

Борьба за фронтир: противостояние спецслужб и автохтонного населения на советском Дальнем Востоке в 1920-х годах

© 2019

Д.С. Кулешов, С.С. Цуканов

Статья посвящена трудностям установления административно-территориального деления на Дальнем Востоке России. Обращая внимание на затяжной характер Гражданской войны в регионе, специфические условия жизни коренного населения и трудности становления советской власти, авторы освещают роль сотрудников органов государственной безопасности в этом процессе. На материалах центральных, региональных и ведомственных архивов рассмотрена борьба советских и партийных структур Дальнего Востока за вхождение коренного тунгусского населения в административные субъекты.

Ключевые слова: Дальний Восток, спецслужбы, восстание, границы расселения, выход к морю.

DOI: 10.31857/S013128120003935-9

Несколько столетий Дальний Восток дает России, с одной стороны, природные богатства, а с другой — является «окном» в мир стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Основой дальневосточного фронттира России является встреча и встраивание европейского и азиатского менталитета. До прихода русских Охотское побережье было заселено тунгусами, коряками, ламутами и якутами. В результате многолетней ассимиляции якутского и тунгусского населения коренными кочевыми и полукочевыми туземцами Охотского побережья стали потомки тунгусов и якутов. Это объясняло постоянное тяготение населения побережья и Якутии друг к другу. Помимо коренных жителей, на побережье Охотского моря жили и «пришлые» люди: русские, якуты, бывшие ссыльные поселенцы разных национальностей, а также приезжие торговцы и рыбаки. Несмотря на свое меньшинство, они являлись более грамотными и культурными, поэтому управление районами находилось практически под их контролем. Еще в царские времена концессии привлекали на Охотское побережье большое количество японских арендаторов. Аборигенное население, не конкурировавшее с русскими и японскими арендаторами, покидало свои места многовековых рыбалок.

Удаленное от центра России географическое положение Якутии и населенных пунктов Охотского побережья обуславливало проблему снабжения их населения промышленными товарами. Нестабильное положение советской власти в регионе, сопряженное с усиленным экономическим влиянием американцев и японцев, способствовало тому, что в 1920 г. центральные власти Советской России разрешили Якутской губернии

Кулешов Денис Сергеевич, соискатель Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: kuleshov_d82@mail.ru;

Цуканов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного филиала Академии метрологии, стандартизации и сертификации (г. Владивосток). E-mail: ota12@ya.ru.

совершать самостоятельный товарообмен и вывозить пушнину через северные порты Охотского моря, а также осуществлять сношения с границей. Населенные пункты с многочисленными жителями подвергались периодическим территориально-административным изменениям и относились то к Якутии, то к Камчатке.

Утверждение советской власти на северо-востоке России протекало в условиях малочисленности низовых партийно-советских аппаратов, что не способствовало скорейшей советизации. Частая ротация кадров негативно влияла на устройство местной власти и развитие инфраструктуры. Коренные народности, занимаясь своим привычным делом, были оторваны от политических реалий того времени. Поверхностное отношение отдельных служащих к решению насущных проблем, отсутствие национальной стратегии развития районов отталкивало туземное население от советской власти. Народы, имевшие свою культуру, нравы, традиции, требовали от работников советских органов власти учета национальных интересов. Посылаемые из центра директивы зачастую выполнялись представителями Советов без учета жизненных позиций населения и доходили иной раз до абсурда. С кочевого населения взимались сельскохозяйственный, подушный налоги, а также на заготовку хвороста и дров, промысел морского зверя и пушнины и др. Процветавший бюрократизм не давал возможности людям заниматься основной деятельностью — охотой. Убитого зверя приходилось регистрировать, а для этого охотнику необходимо было отправиться за несколько сот километров до ближайшего ревкома. Аналогичной процедуре подвергался промысел для собственных нужд. Непонятным для туземцев был и запрет на вырубку леса в 100 квадратных верстах, несмотря на то, что они жили в тайге. Дополнительным бременем ложилась и введенная в 1923 г. каюрная повинность, включавшая бесплатный провоз должностных лиц, сотрудников ГПУ, милиции и представителей военных. Однако особое недовольство тунгусов вызывала необходимость регистрировать оружие¹. Налоговая политика приводила к обнищанию местного населения. Тунгусы, владевшие до октября 1917 г. 40–50 оленями, в 1920-е годы имели около 10 голов. Обстановку отягощали постоянные рейды ГПУ, бесконечные аресты, допросы, обыски, высылки. Само отношение властей к туземцам было далеко неуважительное². Летом 1923 г. с территории Охотского уезда были высланы камчадалы, якуты, коряки и поддерживающие аборигенов русские, имелись случаи исчезновения местного населения.

Политическая обстановка на Охотском побережье осложнялась контрреволюционной агитацией против советской власти, проводимой остатками бывших белогвардейских отрядов, зажиточными людьми и купцами. В мае 1924 г. на северном побережье Охотского моря в районе с. Нелькан туземцы под командованием Павла Карамзина и Михаила Артемьева подняли антисоветское восстание под лозунгами: «Якутия для якутов», «Долой русских и коммунистов, да здравствует советская власть», «Национальная Якутия без власти русских»³. 10 мая 1924 г. в Нелькане мятежники арестовали 3 советских работников (А.В. Якуловского, Ф.Ф. Попова и Корякина) и товары Нельканского отделения американской фирмы «Гудзон бэй»⁴.

Обеспечение безопасности на территории РСФСР возлагалось на сотрудников Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), однако в условиях северных районов сохранялась малочисленность чекистов, территориальная удаленность подразделений и нехватка вооружения. В начале июня 1924 г. отряд в 100 человек, состоящий из тунгусов и якутов, в районе Аяна напал на подразделение ОГПУ. Продвижение повстанцев диктовалось получением помощи от японского генерала Окаяма, прибывшего на крейсере с вооружением и продовольствием⁵. По воспоминаниям одного из участников восстания, М.К. Артемьева, повстанцы предлагали командиру подразделения ОГПУ Суворову сдать без кровопролития. Однако «когда мирная делегация тунгусов подходила к нему на саженой десяток, Суворов открыл по ней огонь»⁶. В результате завязавшегося боя три сотрудника спецслужб, среди которых и Суворов, были убиты, пя-

теро ранены и около пятнадцати захвачены в плен. Кроме того, бандиты завладели 30 трехлинейными винтовками, 2 пулеметами системы Шоша и гранатами⁷.

В августе 1924 г. восставшие организовали в Нелькане съезд тунгусов всего Охотского побережья. Собравшиеся констатировали, что «центральные власти присылали для исполнения циркуляры, мало пригодные для местных условий, члены улусного ревкома не контактировали с Центром и кочевым населением», приводились факты незаконных действий совершаемых представителями советской власти в регионе⁸.

Делегатами съезда было избрано Временное Тунгусское Национальное Управление, его председателем стал голова Аяно-Нельканского и Усть-Маско-Алданского стойбища Адам Амосов, заместителем — Дьячковский. На съезде была утверждена «государственная» символика, приняты решения об отделении от РСФСР, создании автономной Тунгусской области⁹. Требование о самостоятельности совпадало с позицией партийного и советского руководства Якутии, желавшего выхода на внешний рынок и настаивавшего на объединении с Охотским побережьем. На съезде высказывалось и противоположное предложение: руководствуясь постановлениями Дальревкома, учредить местную власть из числа представителей коренного населения и ввести представителя от тунгусов в отдел туземных племен при Дальревкоме, которое осталось не реализованным¹⁰. Съезд позаботился и об учреждении «вооруженных» сил. Был создан Главный штаб тунгусских партизанских отрядов (далее — ТПО) во главе с Павлом Карамзиным, начальник Штаба ТПО — М. Артемьев. Как позже охарактеризовал его представитель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) К.К. Байкалов, «националист до фанатизма с болезненным самолюбием»¹¹.

Анализируя создавшуюся обстановку, руководитель Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Дальневосточной области (ДВО) А.П. Альпов в ходе доклада Дальневосточному бюро ЦК РКП (б) и Дальневосточному революционному комитету (Дальревком) утверждал, что повстанцы с закрытием навигации и при поддержке японцев займут Аян и Охотск¹².

Партийное руководство требовало решительных и энергичных мер для подавления восстания¹³. Его ликвидацию руководитель Дальревкома Я.Б. Гамарник и глава ПП ОГПУ по ДВО видели в принятии вооруженных мер. Распоряжением А.П. Альпова из очередного отпуска был отозван представитель Министерства по делам национальностей ДВО и одновременно уполномоченный ОГПУ А.Н. Липский с направлением в Николаевск-на-Амуре. Ему, хорошо знавшему местное население, удалось «максимально коротко и с незначительными потерями провести эту операцию»¹⁴.

Для удержания Охотского побережья осенью 1924 г. был сформирован дивизион ОГПУ, численностью 120 человек, во главе с Дербутом. С его прибытием в Охотск бандитским формированиям пришлось отступить в тайгу. Для окончательного подавления повстанцев, в условиях отдаленности и труднодоступности, требовалось применение значительных сил и средств¹⁵. Еще один отряд ОГПУ, численностью 45 человек, под руководством В.А. Абрамова был направлен в п. Улья, расположенный в 143 км от Охотска. Не обнаружив повстанцев, чекисты изнасиловали и убили местную женщину, а в качестве устрашения расстреляли трех русских рыбаков, трех тунгусов, якута, еще два тунгуса скончались от полученных травм¹⁶.

Однако с точки зрения центрального руководства РСФСР, в период переговорного процесса о выводе японских войск с территории Северного Сахалина применение вооруженного метода подавления восстания было бы политически невыгодным¹⁷. Согласно инструкции, направленной И.В. Сталиным уполномоченному ВЦИК в Якутии К.К. Байкалову, ликвидацию восстания нужно было провести мирным путем, а применять силы только в необходимых случаях¹⁸.

Наиболее остро проблема понимания фронта автотонным населением и представителями советских органов власти обнажилась на II съезде аборигенного населения

Охотского побережья, проходившем в Нелькане 20–23 января 1925 г. Переговоры с повстанцами проводила делегация от Якутского ЦИКа в составе П. Оросина, А. Давыдова и П. Филиппова. Делегаты представили информацию о политической жизни в Якутии, рассказали о реализации национальных интересов в республике, после их выступления мнения восставших о продолжении восстания и отделения от РСФСР разделились¹⁹.

В середине февраля 1925 г. в 9 верстах от Охотска внезапно для советского руководства Охотского уезда появился отряд П. Карамзина, насчитывающий около 400 человек, с лозунгами о независимости Якутии. В результате вооруженного столкновения с находившимся с осени у Охотского побережья дивизионом ОГПУ, последний понес значительные потери и был отеснен. Повстанцам удалось занять п. Новое-Устье, где располагались промышленные и продовольственные склады фирмы «ОКАРО», в которых имелись значительные запасы оружия и боеприпасов. Склады были разграблены, а продукты питания и оружие вывезены в тайгу²⁰.

Известие о взятии Нового-Устья советским органам власти в Охотске пришло спустя сутки. Направившиеся в захваченный поселок бойцы 67-го отдельного Охотского дивизиона войск ОГПУ под командованием Дербута решили отправить в район взвод численностью 30 человек, усиленный одним пулеметом системы Льюиса. В результате превосходящих сил повстанцев взвод ОГПУ был разбит²¹. А 23 февраля 1925 г. Камчатский губревком объявил военное положение в Охотском уезде²².

Сложившаяся ситуация подтверждала лишь одно: работа охотских властей была в серьезной степени дезорганизована. Уполномоченный ПП ОГПУ по ДВО Соловьев и уполномоченный Камчатского губотдела ОГПУ М.В. Кунцевич занимались взысканием дореволюционных «долгов» с аборигенов²³. Очевидцы свидетельствовали, что Кунцевич брал взятки и присваивал конфискованное имущество²⁴. По архивным данным, только за 1924–1925 гг. представителями дальневосточных чекистов в регионе были расстреляны 314 человек, еще 64 — арестованы²⁵. Представители ОГПУ, имевшие задачу непосредственного осуществления оперативного прикрытия Охотского уезда, в своей деятельности руководствовались ложными доносами, сплетнями и разными слухами. На основе этих данных и строились оперативные планы и мероприятия чекистов. Поэтому при занятии повстанцами Нового-Устья не оказалось достоверной информации для Охотского руководства ни о численности, ни о вооружении банд²⁶.

Получив информацию о поражении взвода ОГПУ, Дербут мобилизовал местное население, увеличив тем самым численность войск до 219 человек при 7 пулеметах, и приступил к обороне самого Охотска. Захватив продовольствие, отряд П. Карамзина дальнейшей активности не проявлял. Докладывая обстановку в Дальбюро РКП (б), заместителем ПП ОГПУ по ДВО В.И. Музыкант утверждал, что проведение масштабных операций по ликвидации повстанческого движения возможно только с началом навигации и при одновременном ударе войск со стороны Охотского побережья и Якутска, а также при условии полного окружения всего района, охваченного бандитизмом²⁷.

Необходимо отметить, что с момента начала повстанческого движения принятие мер по его ликвидации было возложено на руководство как Дальбюро РКП (б), так и Якутской АССР. Однако Якутским областным комитетом партии это движение было расценено как национальное. Способы устранения восстания якутские власти видели исключительно в мирном урегулировании, несмотря на активное вооруженное сопротивление повстанцев. Неоднократно посылаемые ими в Центр доклады содержали предложения об удовлетворении экономических и политических требований восставших с предоставлением им широкой амнистии в случае сдачи оружия. Но самым важным в предложениях партийно-советского аппарата Якутии было решение национального вопроса, выраженного в необходимости присоединения Охотского уезда к Якутии. Вопрос о вхождении Охотского побережья в состав Якутии, по мнению местной национальной интеллигенции, являлся крайне важным, так как именно через порты Охотск и Аян с использова-

нием существовавшего тракта обеспечивалось снабжение Якутии товарами иностранного производства²⁸.

Указанные позиции вызвали острые противоречия с партийно-советскими органами Дальбюро ЦК РКП (б). Полпред ОГПУ по ДВО А.П. Альпов в ответ на политику якутских властей утверждал, что предоставление широкой амнистии, в том числе главарям и организаторам восстания, оказание материальной помощи участникам восстания не дадут положительный результат в деле ликвидации повстанчества. Более того, это создавало прецедент для возобновления новых волнений²⁹. В своих действиях полномочный представитель ОГПУ на Дальнем Востоке основывался на директивах первого заместителя Ф.Э. Дзержинского — В.Р. Менжинского, требовавшего «энергичных военных мер для подавления восстания»³⁰.

В соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК от 11 мая 1925 г. была создана Временная полномочная комиссия, с подчинением ВЦИК, по оздоровлению советских учреждений в Охотском уезде Камчатской губернии. Возглавить комиссию поручили уполномоченному ВЦИК К.К. Байкалову с подчинением ему всех властей Охотского уезда. Созданная комиссия должна была беспристрастно подойти к главному вопросу — причинам восстания. В рамках ее работы было необходимо организовать в районах восстания советскую власть. Для разработки национальных программ развития туземных районов было необходимо изучение экономического и политического положения районов, недовольных политикой советской власти. Комиссии поручалось провести анализ деятельности органов власти Якутии и ДВО, непосредственно распространяющихся на туземное население. В ходе работы Комиссии было необходимо рассмотреть вопрос о возможности присоединения Охотского побережья к Якутии.

Вслед созданной Комиссии пришла инструкция из Москвы, подписанная И.В. Сталиным, определяющая способы ликвидации восстания. Инструкция предусматривала ликвидацию восстания политическим урегулированием, но с оговоркой применять военные силы в том случае, если это будет диктоваться необходимостью. Следует отметить, что фактически переговорный процесс по ликвидации повстанческого движения был начат якутским руководством еще в январе 1925 г., когда на II съезд повстанцев была допущена их делегация. Хотя полного примирения она не добилась, делегации удалось заключить перемирие с отдельным отрядом восставших, находившимся в 400 верстах от Якутска в направлении Нелькана. В то же время повстанцами была отправлена своя делегация в Якутию с требованиями предоставить самостоятельность «Тунгусии» без коммунистов, однако делегация перешла на сторону якутского правительства.

В апреле 1925 г. вновь созданная делегация от Якутии, в составе Бажедонова, Кулаковского и Кралина, была отправлена для переговоров с отрядом М. Артемьева. В результате переговоров было достигнуто перемирие. 8 мая 1925 г. на собрании отряда М. Артемьева в присутствии командира отряда ГПУ И. Строда, членов делегации Бажедонова, Кривошанина и авторитетного национального интеллигента, неоднократно участвующего в переговорах — Кулаковского, повстанцы сложили оружие. В конце мая 1925 г. сдалась часть отряда П. Карамзина в составе 35 человек³¹. 22 июня 1925 г. состоялось заседание старейшин IV Якутской областной конференции РКП (б), на которой присутствовали должностные лица партийно-советского аппарата Якутской АССР. Главной повесткой дня было обсуждение политической линии областного комитета РКП (б) в деле ликвидации повстанческого движения. Участники заседания выразили общую поддержку проводимой обкомом партии ЯАССР политике по мирному урегулированию вопроса восстания тунгусов. Вместе с тем заседание дало критическую оценку постановлению ЦК РКП (б), которое шло вразрез с постановлением ВЦИК от 11 мая 1925 г. и дополнительно подчиняло Комиссию К.К. Байкалова Дальбюро РКП (б).

На взгляд первого секретаря Якутского обкома партии Е.Г. Пестуна, изменения в порядке подчиненности были связаны с лоббированием интересов членов ЦК РКП(б) Н.А. Кубяка и Лашкевича для получения возможности использования силы для подавления восставших. В ходе заседания было доведено до присутствующих постановление Дальбюро РКП (б) от 20 июня 1925 г., на основании которого руководство ДВО применило амнистию к якутам и тунгусам Охотского побережья. Также участники заседания выразили протест против действий Дальбюро РКП (б) по изоляции главарей восстания, привлечения бывших повстанцев к советской работе, выдачи материальной помощи и распространения амнистии на русских офицеров³².

С целью призвать туземное население, принимавшее участие в восстании, к попытке решить проблему ликвидации восстания мирным путем Дальревком 28 июня 1925 г. опубликовал обращение к гражданам, в котором говорилось: «...Вернитесь к мирной, спокойной жизни. Помните, что Ваши братья, населяющие необъятный Советский Союз, мирно трудятся над поднятием мощи нашей страны. Если у Вас есть какие-либо обиды и жалобы на беззаконие отдельных представителей местной власти, то пошлите эти жалобы в Охотск, и виновники будут строго наказаны...». В свою очередь Дальревком дал приказ подразделениям Красной армии, посланным в Охотск, «блюсти осторожность в обращении с туземцами, памятуя, что они посланы не для войны с туземцами, а исключительно против сознательных врагов Советской власти — против белогвардейцев»³³.

С поступлением указаний от партийно-советского руководства ДВО общее командование в борьбе с бандитизмом в Якутии и Охотском побережье было возложено на А.П. Альпова. 9 июля 1925 г. был издан приказ о подчинении ему всех вооруженных объединений и организаций военной экспедиции с целью в кратчайшие сроки ликвидировать восстание способом мирного и, если того требовала обстановка, военного воздействия на повстанцев³⁴.

18 июля 1925 г. отряд П. Карамзина сдался властям вблизи Охотска. Всего прекратили вооруженное сопротивление 484 повстанца из отряда Артемьева и 35 повстанцев Карамзина³⁵.

В Охотске с 10 по 16 августа 1925 г. прошел I Тунгусский съезд Охотского побережья, на котором присутствовало 56 делегатов, 60 гостей, в том числе представители 22 тунгусских родов и 3 якутских районов. Они избрали состав уездного революционного комитета, в который входили русский, эвенк и якут. Съезд был организован руководителем Охотско-Аянской экспедиции, уполномоченным Дальбюро ЦК РКП (б) и Дальревкома В.А. Абрамовым. На съезд был приглашен один из организаторов восстания П.В. Карамзин, который выступил перед туземным населением, назвав восстание против советской власти ошибкой. Используя, по его словам, малограмотность тунгусского населения, представители местной интеллигенции при поддержке бывших участников белогвардейских отрядов были вовлечены обманом в борьбу против советской власти. Сам председатель съезда В.А. Абрамов заверил от имени советской власти, что в отношении обманутых тунгусов власть их вину не признала. По результатам проведенного в Охотском уезде съезда аборигенного населения была вынесена резолюция по деятельности Охотского уездного революционного комитета.

Для выработки дальнейших программ, способных изменить ситуацию в уезде в лучшую сторону, съезд выдвинул ряд предложений. В первую очередь это касалось организации власти на местах. Состав местных органов самоуправления, по решению съезда, должен был формироваться не только из русских, но и с обязательным представительством туземного и якутского населения. Следующим актуальным и жизненно необходимым стал вопрос регистрации продуктов промысла. Съезд считал необходимым отменить бесполезные и бюрократические процедуры оформления и регистрации, принятые губернским ревкомом. Также были обсуждены вопросы беспрепятственного

выезда за пределы Охотского побережья на пароходах, но при условии, что они не будут заходить в иностранные порты. Отмена имеющихся у населения долгов тоже стала предметом рассмотрения.

После подавления восстания и упразднения 22 августа 1925 г. Главного Тунгусского Национального Управления, Комиссии ВЦИК предстояло ответить на вопросы: что послужило причиной восстания, и было ли восстание национальным или белогвардейским? На заседании Охотского уездного бюро РКП (б) 24 августа 1925 г. член Комиссии ВЦИК В.А. Абрамов утверждал, что восстание является белогвардейским. Он связывал восстание тунгусов, прежде всего, с предыдущим восстанием, которое происходило в Якутии в 1921–1922 гг. Ликвидация пепеляевщины в 1923 г. на время заглушила призывы антисоветских сил. Однако остатки разрозненных белогвардейских отрядов на огромных территориях Камчатской губернии и Якутской АССР готовили плацдарм для дальнейшей борьбы с советской властью. Ярким примером служит бывший активист отряда генерала А.Н. Пепеляева М. Артемьев, который был известен как ярый противник большевиков и вел борьбу против них, несмотря на то что последние группы отряда Пепеляева сдавали оружие. Тем не менее, попав под амнистию, М. Артемьев, скрываясь в тайге, вел подготовку для организации восстания, используя малограмотное туземное население. Основной целью восстания являлось отделение территории Охотского побережья из состава РСФСР при поддержке Японии. Одним из ближайших помощников М. Артемьева являлся настроенный антисоветски купец Ю.А. Галибаров. Он обеспечивал финансовую сторону в организации восстания и связь с японскими властями. Артемьев также заручился поддержкой среди национальной якутской интеллигенции и русских торговцев, чье финансовое благополучие закончилось при введении советской властью моратория на внешнюю торговлю. Отсюда следует неслучайный выбор территории, которую им хотелось отсоединить от России. Свои требования они выражали в следующих лозунгах: «Создание автономной Тунгуссии», «Якутия без коммунистов». Одним из способов решения конфликта якутское руководство видело в присоединении Охотского побережья к территории Якутии. Таким образом, предъявляемые требования, характеристики организаторов восстания, финансовая и военная поддержка со стороны японцев давали все основания полагать, что восстание было бандитским и проходило под флагом национального движения³⁶.

В.А. Абрамов считал, что «непроходимая темнота» тунгусов, легко поддающихся всевозможным провокациям, отсутствие по ряду причин живой связи местной власти с кочевым населением, географически неудачное местоположение губернского центра, из-за которого не могло быть налажено четкое руководство работой Охотского уездного советского учреждения, слабость советско-партийного аппарата в уезде, обнищание кочевого населения вследствие Гражданской войны, а также зависимость от мелких спекулянтов и антисоветских элементов послужили хорошим прикрытием для реализации антисоветских планов. Мнение В.А. Абрамова подтверждается и тем, что от участия в восстании отказалось практически 2/3 всего кочевого населения Охотского побережья, которое было организовано «на милицейских началах и оставалось на местах защищать свою землю», хотя находилось в худших экономических условиях, чем Охотский район³⁷.

При проведении расследования обстоятельств восстания тунгусского населения председатель Комиссии ВЦИК К.К. Байкалов основную причину восстания видел в невыносимых условиях жизни аборигенов. В первую очередь это касалось непосильных налоговых обложений и различных запретов практически на все сферы жизни и быта тунгусского населения. Применение присылаемых охотскими властями директив осуществлялось бездумно и без учета особенностей коренного населения в отдаленных районах. Достаточно наглядным примером являлся запрет для тунгусов на вырубку леса с целью заготовки дров, хотя все прекрасно понимали, что это жизненно необходимо для местного населения. Отдельным моментом среди причин восстания являлись случаи бес-

чинств, учиненных сотрудниками ГПУ. Постоянные погромы, допросы, аресты и убийства вызывали ненависть и недоверие к советской власти. 8 сентября 1925 г. на заседании Охотского уездного бюро РКП (б) Байкалов отмечал, что одной из причин восстания послужило засилье русских чиновников и их своеобразное понимание законов, «а обычной фразой к тунгусам была “пшел”»³⁸.

Отличие от точки зрения В.А. Абрамова, восстание, по мнению К.К. Байкалова, являлось национальным, так как М. Артемьев после ликвидации отрядов Пепеляева ушел глубоко в тайгу и якобы не имел почвы для восстания. Вместе с тем К.К. Байкалов признал, что инициатором восстания была якутская национальная интеллигенция³⁹.

Необходимо отметить, что позиция К.К. Байкалова по недопущению амнистии главарям восстания, а также неопозволительности оказания участникам повстанческого движения материальной помощи совпадали с взглядами на эту проблему Дальневосточного руководства. Но позиция К.К. Байкалова была отвергнута партийными и советскими руководителями Якутской АССР М. Аммосовым, Е. Пестуном, П. Ойунским.

Относительно бесчинств сотрудников дальневосточных органов ГПУ заместитель прокурора ДВО Раппопорт считал, что состава преступления в их действиях не было «ввиду боевых условий»⁴⁰.

Вопрос, касающийся передачи Охотского побережья Якутии, был отклонен постановлением Дальбюро ЦК ВКП (б) 25 ноября 1925 г. Дальневосточное руководство усмотрело в этом предложении «сильный националистический уклон, граничащий с шовинистскими взглядами», а руководителей обвинило в заражении сепаратизмом. Они считали, что «отдать Охотск Якутии — значит отдать японскую границу в руки контрреволюционной части якутской интеллигенции». За время ликвидации восстания в Нелькане и Аяне были убиты 91 красноармеец, 8 пограничников, ранены 33 и еще 47 взяты в плен⁴¹. Ввиду сложной оперативной обстановки на Охотском побережье руководством ОГПУ было принято решение о необходимости постоянного присутствия в этом районе опытного оперативного сотрудника, имеющего опыт работы с туземным населением. В октябре 1925 г. на должность уполномоченного по туземным делам в уездном исполкоме Николаевска-на-Амуре был назначен А.Н. Липский⁴².

Восстание включало в себя множество взаимосвязанных между собой социальных, экономических и политических факторов. Отдаленность Охотского уезда существенно влияла на контроль деятельности местных властей со стороны центральных властей. Предоставленные сами себе, отдельные работники советской власти осуществляли советизацию районов без учета нужд и особенностей жизни местных туземцев. Установление непосильных налогов, запретов вело к обнищанию населения, что лишало способности к оплате долгов. Прекращение снабжения продуктами на местах ввиду запрета частной развозной торговли и невозможности коллективных закупок способствовало повышению цен на товары первой необходимости. В результате необдуманных действий руководителей местного самоуправления, насаждающих не соответствующие местным условиям директивные указания центральных и областных властей, кочевое население попадало в кабальное положение перед местными торговцами.

Однако не вся туземная часть населения приняла для улучшения своих жизненных условий вооруженный метод борьбы с властью. Многие заняли сдержанную позицию, организовав отряды для сохранения своих территорий от бандитизма. Контакты организаторов повстанческого движения с японскими властями для их всесторонней поддержки давали повод полагать, что и приграничное государство было заинтересовано в реализации идей по созданию «автономной Тунгусии».

Необходимо отметить, что предъявленные восставшими требования совпадали с политикой партийного и советского руководства Якутской АССР. Это подтверждается неоднократными попытками председателя Якутского ЦИК П.А. Ойунского добиться в Совете Национальностей Верховного Совета присоединения Охотского побережья

к Якутии. Партийным и советским руководством Якутии даже были разработаны планы перестройки народного хозяйства и транспортной инфраструктуры с учетом предлагаемого вхождения побережья Охотского моря в состав ЯАССР. Поэтому когда центральное руководство ставило задачи по скорейшему подавлению повстанчества на Дальнем Востоке и в Якутии, в дискуссии между партийно-советским руководством Дальневосточной области и Якутской АССР возникли противоречия в вопросе выбора метода ликвидации восстания. Якутское руководство, находящееся под давлением национальной интеллигенции, предлагало удовлетворить все требования восставших, провести амнистирование всех, даже главарей и организаторов восстания и присоединить Охотское побережье к Якутии. Однако для дальневосточных руководителей мирный метод, предлагаемый якутскими властями, был неприемлем.

Расхождение политических линий в деле ликвидации повстанчества между якутскими большевиками и дальневосточными чекистами было налицо. Если для дальневосточных органов восстание являлось вызовом власти и угрозой целостности государства, то для властей Якутии это было национальное движение, способное в результате положительного исхода вывести ЯАССР к морю. Партийные и советские органы признали ошибки и перегибы своих работников, проводивших советизацию района, по отношению к туземному населению. В качестве мер улучшения жизни и укрепления доверия местного населения к советской власти был предложен ряд необходимых изменений в действующие правила с учетом жизненного уклада туземцев. Партийное и советское руководство по рекомендации И.В. Сталина рассматривало решение национального конфликта, исходя из экономических, политических и социальных особенностей региона. Способность власти пойти на компромисс в решении конфликта нашла отражение в его положительном решении. Однако предоставление амнистии, привлечение сдавшихся к советской работе, выдача им материальной помощи способствовали, с одной стороны, укреплению доверия между советской властью и народом, но с другой стороны, провоцировали подобные повстанческие движения с целью удовлетворения предъявленных требований.

1. *Пикалов Ю.В.* Уроки Тунгусского восстания (1924–1925 гг.) // Шестые Гродековские чтения: материалы межрегион. научн.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2009. Т. 2. С. 12–14.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 373.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
4. *Антонов Е.П.* Тунгусское восстание: ошибок можно было избежать... // Илин. 1995. С. 95.
5. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
6. *Пестерев В.* Нужна новая концепция Гражданской войны в Якутии. Тунгусское повстанчество. Май 1924–31 мая 1925 гг. // Илин. 1998. № 1.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-318. Оп. 1. Д. 316. Л. 378–382.
8. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 257.
9. *Гоголев З.В.* Разгром антисоветских восстаний в 1924–1925 гг. и 1927–1928 гг. // Научные сообщения. Вып. 6. Якутск: Книжн. изд-во, 1961. С. 25.
10. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 257.
11. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 372.
12. *Лебедев В.Г.* К истории ликвидации рецидивов белобандитизма на северо-востоке СССР в 1924–1925 гг. // Вопросы истории Амурской области. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1981. С. 63–67.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 303. Л. 35.
14. *Хисамутдинов А.А.* Свеча горела: страницы жизни В.К. Арсеньева // Дальний Восток. 1995. № 7. С. 120; *Колесников А.С.* Этнограф на службе ОГПУ: Альберт Николаевич Липский //

- Седьмые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конфер. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2012. С. 150.
15. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
 16. *Пикалов Ю.В.* Указ. соч. С. 14–15; *Ковлеков С.И.* Тунгусское восстание. 1924–1925 гг. Якутск: Изд-во якут. ун-та, 2005. С. 66; *Антонов Е.П.* Движение тунгусов в Якутии и на Охотском побережье за национальное самоопределение в период нэпа // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История.* 2014. № 9. С. 97.
 17. *Копылов Е.В.* Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Саха (Якутия). 1920–2010. Якутск: Изд-во «Печатный двор», 2010. С. 31.
 18. *Пестерев В.И.* Исторические миниатюры о Якутии. Якутск: Нац. кн. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1993. С. 108, 109.
 19. *Пикалов Ю.В.* Указ. соч. С. 15.
 20. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
 21. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 368.
 22. *Шитова Л., Мясников А.* Граница закаленная ветрами. Магадан: Камчатпресс, 2007. С. 5.
 23. *Антонов Е.П.* Движение тунгусов в Якутии и на Охотском побережье за национальное самоопределение в период нэпа // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История.* 2014. № 9. С. 95.
 24. *Ковлеков С.И.* Указ. соч. С. 71.
 25. *Антонов Е.П.* Тунгусское национальное восстание // *Россия и АТР.* 2007. № 4. С. 41.
 26. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 1. Д. 186. Л. 369об.
 27. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
 28. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 368; *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX вв. М.: Наука, 1980.
 29. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 368.
 30. Цит. по: *Яблочкина И.В.* Вооруженная конфликтность в Якутии в условиях утверждения нэпа (1922–1926 гг.) // *Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики.* М.: АНО «НИИ истории, экономики права», 2014. С. 53.
 31. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 367,367об.
 32. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 671. Л. 173–179.
 33. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 119.
 34. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 73,74,75.
 35. *Башарин Г. П.* Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. // Якутск: Изд-во Бичик, 1996. С. 268.
 36. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 239,257.
 37. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 366 об.
 38. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 191.
 39. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 191.
 40. *Ковлеков С.И.* Указ. соч. С. 81.
 41. Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 8. Д. 321. Л. 82.
 42. *Колесников А.С.* Указ. соч. С. 150.